

Мы с Наталией Моржиной — коллеги по «Комсомольской правде» последних десятилетий прошлого века. Теперь мы члены одного — уже ветеранского — сообщества журналистов всех поколений нашей родной газеты. Обе пишем стихи: Наталия — всю жизнь, сколько себя помнит; я — как ни удивительно — с шестидесяти восьми лет. Наши дебютные поэтические сборники вышли почти одновременно. Книгу Наталии Моржиной «Парад планет» я лично восприняла для себя как несомненный учебник мастерства. Но разве возраст вообще имеет значение в таком деле, как стихо-творение?.. Тем более для людей, всю жизнь работающих со словом. Но то, что Моржина — поэт мастеровитый, владеющий ремеслом осознанно, виртуозно, полноценно, для меня, начинающей в поэтическом письме, было очевидно и безусловно.

Как бы то ни было, между нами, разведёнными в юности по разным временным нишам, в новом веке возникла творческая близость. И мы не раз вступали в переписку по поводу своих творений. Особенно активизировалась она в последнее время, когда я стала составлять коллективный клубный поэтический сборник «Стихи Шестого этажа» (шестой этаж — то место в редакционном корпусе на улице Правды, 24, где «Комсомолка» работала почти восемьдесят лет).

Перечитав сейчас эту переписку, поняла, что там — и не раз — сказано всё, что я думаю о поэзии Наталии Моржиной.

Она правильно сказала как-то, что въедливей и регулярней её стихи никто не анализировал. Да, согласна, так и есть: я по-прежнему её примерная ученица.

Предлагаю разделить со мной по нижеприведённым фрагментам впечатление о её стихах. Несколько, конечно, как и положено у поэтов, завистливое, но по-доброму...

Фрагмент о «Сыроежке»

Что в ней прелестного, кроме лёгкого и шутливового письма? Про технику я уже ранее вам сказала: безупречно. Про жанр сказал вам Недошивин Слава: из детства — к детству. Для поэта природного, как вы, *сохранить* в себе ребяческое — это всё равно что дышать. Но вот научиться в стихах органично выразить это ребячество взрослого человека (а не ребячество как таковое) — высший пилотаж. Это правильно и красиво упакованный кураж.

Это именно то, что необыкновенно удаётся Юнне Мориц и делает её неповторимой. Кстати, в вашей «Сыроежке» промелькивают, как блёстки, её (тождественные ей) словечки и интонации, тоже сразу придающие тексту что-то очень своеобразное. При этом — никакого подражательства, а лишь как бы переключка на равных. И главное — это поэзия Моржиной, примерившей по данному случаю платье Юнны. Вот в этом нечаянном (или даже и чаянном, не важно) сопоставлении сразу видна и разность поэтов, и Моржина здесь, несомненно, величина собственная. По содержанию, по смыслам, по автоцитированию, по техническим приёмам, по лексике (кроме блёсток — см. выше). Ещё чуть-чуть не хватает матёрости, но это прячется (оправдывается) за ребячеством формы. Этим вроде бы нехитрым стихском вы, Наташа, встаёте на ступеньку выше себя прежней.

А в чем матёрость, спрашиваете? В сосредоточенности автора: что его заботит в первую очередь? Вас всё ещё заметно заботит форма. Стих доказывает, что вы — виртуоз и совершенный мастер, всё найдено, освоено, легко маневрируете, исполняете безошибочно, владеете объёмом и мелодией, размером и аранжировкой. Теперь на первый план должен выйти вопрос: зачем? В «Сыроежке» это «зачем» выражено чуть проще, чем требует душа читателя. То есть мастерство восхищает, и за это как бы смиряешься с некоторой незатейливостью авторской мысли: природа-де оживляет, а город утомляет. Такой романс дачника.

Я утрирую, не принимайте как обиду, у нас, надеюсь, разбор полётов, а не дуэль. И говорю всё лишь потому, что

ощущаю *недоужинность* вашего поэтического потенциала, к которому вы прорастаете всё заметней. Хочется поддержать. Я не знаю, как достигается матёрость. В карельских стихах она у вас очень проявлена и сильна. Может, потому, что там удалось глубже сосредоточиться? А тут вроде на ходу выплёскивается. И хорошо вроде бы получается...

Но как поэту настоящему, одарённому именно этой способностью, вам уже пора пророчить, поднимать (а не только умилять) читателя до душевных содроганий. И есть ощущение, что вам есть что сказать, если увидеть в читателе страждущего. У владеющего словом — своя миссия, своя судьба на этом свете. И надо стараться ей соответствовать как можно полней. Извините, конечно... Надеюсь, поймёте, что это пишу от большого восхищения и ещё большего ожидания.

Фрагмент о «Круизе»

Наташа, главное, чтобы у вас самой было ощущение завершенности... Тут важно, что это ваш новый опыт.

Да, по мне, ваш «Круиз» ещё требует доработки. В нём, повторю, я ощущаю потенциал на что-то более мощное, чем получилось... В этот раз меня поверг Кузичкин, который не только принял текст «на ура», но и посчитал новым витком. Хорошо, что есть такое место — «НЕЛ», где вас преданно любят и всегда примут. А публикации — это для текста приятное завершение, если вас устраивает — так и слава Богу.

Н. Моржина — гость исторического клуба «Старая Рязань». На фестивале «Поле Куликово». Сентябрь 2012

Я же второй день думаю над ним: не столько о стихе и том, что его породило, сколько о том, что советовать автору нельзя... Это такой груз на авторские мозги, а они-то устроены по-другому. У каждого действительно своё прочтение. За тот раз, когда я «распахала» как бульдозером ваш стих и явно перегрузила своим собственным видением, меня ругала Нина Аллахвердова. Она видит в стихописании только право на самовыражение, а право считать текст литературой и определять её масштаб оставляет за читателем. Никакой критики. Для всякого слова найдётся тот, кому оно будет нужно.

Да, в вашей поэзии есть недоступная мне ворожба. Но и я ведь в своих пристрастиях не поверхностна, недаром вы продолжаете со мной диалог. И послали «Круиз» недаром — значит, были сомнения... Вы бываете в стихах так бесспорно шедевральны, что, возможно, я от вас слишком многого хочу.

Фрагмент о подборке в сборник «Стихи Шестого этажа»

Наташа, сейчас вы, как я понимаю, осваиваете поэтическую живопись. Ещё раз убедилась, какой вы самобытный и самодостаточный отличный поэт. Совершенный с точки зрения формы. Интересный как личность, лирический герой.

Я люблю и ваши игровые вещи, типа «Троллейбуса», «Сыроежки», «Котёнка». Но, как бесспорному классику, в нашей книге, где в подборке только пятнадцать стихов максимум, пришлось оставить избранные шедевры. И это оказалось затруднительно. Вам давно пора издавать свою новую книгу.

Внутри вас мощный энергетический мелодийно-чувственный вихрь, мощней, между прочим, чем у многих сегодняшних поэтов. Вы и ещё Ира Саватеева — вам дано от Бога именно петь. Ну а снаружи вы, как всякая женщина, иногда допускаете слабину и путаницу мысли. Женщине вообще трудней выныривать тексты, тем более как у вас — равновеликие с мужскими. Так что не преувеличивайте, но и не преуменьшайте своего таланта. Гордитесь. Любите его как одушевлённое существо, лелейте, хвалите, разговаривайте с ним. А глубоко вы пишете, как все интроверты, в уединении... Отдыхайте иногда! И новых вам успехов!

*Людмила СЁМИНА,
руководитель Клуба журналистов
«Комсомольской правды», Москва*